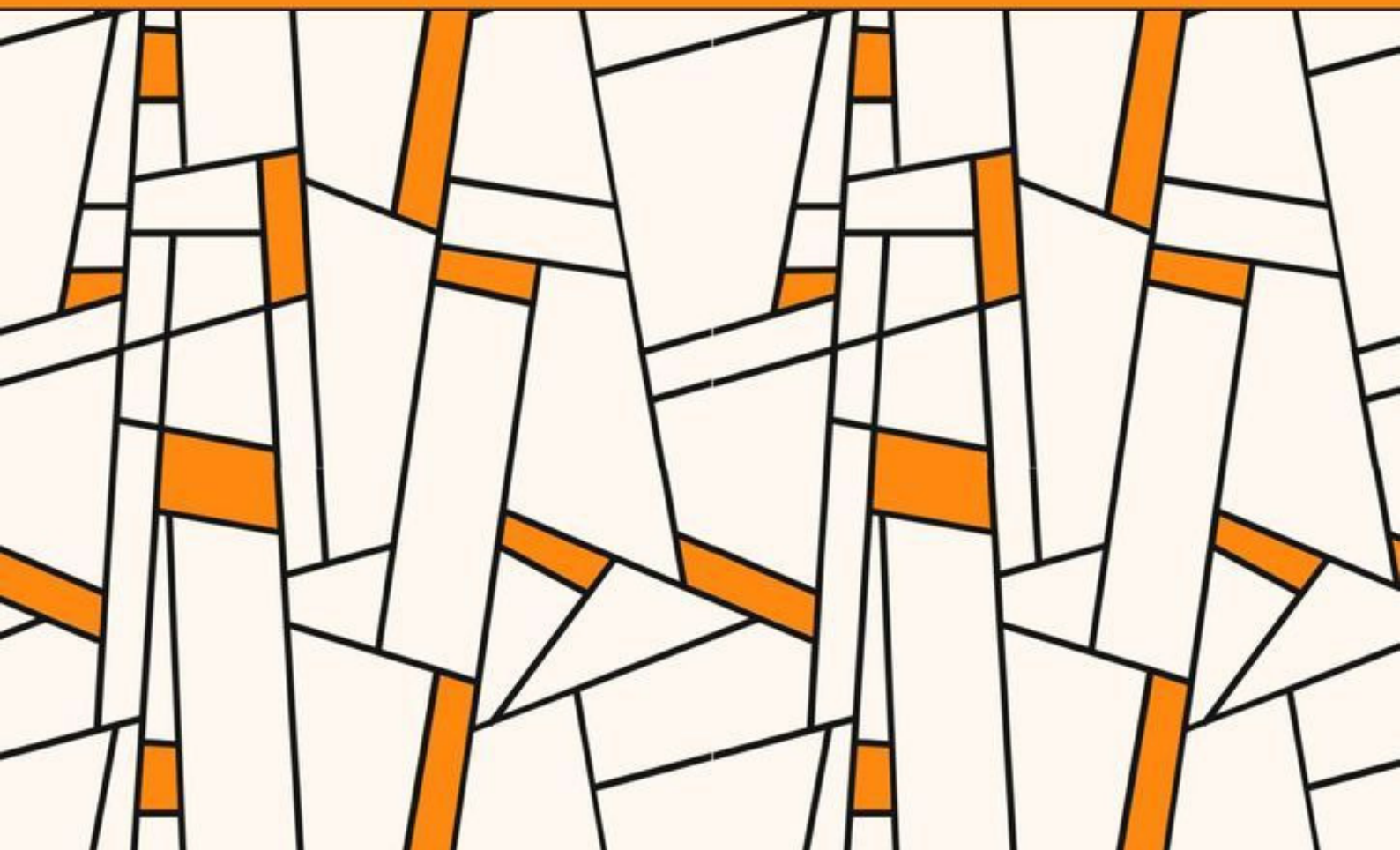
18+

Наиля Тургуд

3 года, 3 часа и 3000 км

Сборник рассказов

Наиля Тургуд

3 года, 3 часа и 3000 км. Сборник рассказов

«Издательские решения»

Тургуд Н.

3 года, 3 часа и 3000 км. Сборник рассказов / Н. Тургуд — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-603134-0

Сборник рассказов «3 года, 3 часа и 3000 км» описывает жизнь современной бакинки, её семьи и друзей, её будни, забавные происшествия и неожиданные знакомства, её воспоминания и размышления. Рассказы могут быть интересны любителям современной прозы и коротких рассказов.

ISBN 978-5-00-603134-0

© Тургуд Н.
© Издательские решения

Содержание

От автора 6
Мои Драконы 7
3 года, 3 часа и 3000 км 10
Конец ознакомительного фрагмента. 18

3 года, 3 часа и 3000 км
Сборник рассказов
Наиля Тургуд

Посвящается моим детям, Рустаму и Айдан

© Наиля Тургуд, 2023
ISBN 978-5-0060-3134-0
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Дорогой читатель,

В моих рассказах нет выдуманных персонажей, нет придуманных ситуаций, нет идеальных людей, нет постановочных встреч и нет искусственно созданной драмы. В моих рассказах жизнь, вернее попытка её запечатлеть на бумаге такой, какая она есть. Может чуть светлее, чуть теплее и чуть забавнее. Но, поверьте, этого «чуть» всего лишь маленькая щепотка. А описания мест, зданий или улиц моего любимого города в рассказах не случайны. Мой город – свидетель жизни моих героев и очень хотелось добавить в мои рассказы немного очарования нашего Баку. Я хочу, чтобы прочтение этой книги было приятным времяпреповождением для Вас и подарило Вам положительные эмоции. И чтобы «3 года, 3 часа и 3000 км» были не дистанцией, а связующей нитью между нами.

С уважением,

Наиля Тургуд

Baku, 23.06.2023

Мои Драконы

Мне всегда трудно не видеть их несколько дней подряд. У меня всегда есть потребность общаться с ними ежедневно в живую или хотя бы по телефону. В разговоре с ними я не замечаю течение времени и я не устаю что-то обсуждать с ними. А в последнее время мне стало мало их просто обнять. Целую каждого, обнимаю крепко и тихо говорю на ухо:

– Я тебя очень люблю! Очень! Очень…

Потом обнимаю их обоих сразу:

– Спасибо вам, мои драконы!

Я их всегда любила, по-разному, по-своему, но одинаково сильно. В памяти много картинок, и чаще всего всплывает одна из них – я в летнем синем платьице и в панаме из этой же ткани, иду между ними, держа их за руки. Мы идём по песчаной дороге в жаркий солнечный день. Они говорят о чем-то своём, а я в своём воображении витаю в каких-то своих мирах. Мне хорошо и спокойно. Иногда я провисаю на их руках, поджав ноги, а они меня переносят через камешки и рытвины. Так мы и идём втроём. Мама, папа и я.

Я – средний ребёнок в семье. Не помню, чтобы я ревновала родителей к моим братьям. Почему-то я не страдала детскими травмами, комплексом «недолюбленности» от мысли, что мама и папа братьев любят больше, чем меня. В последнее время часто слышу такие откровения, и удивляюсь самой себе – почему я не мучалась от этого?! Неужели я такая примитивная?! В детстве мама со старшим братом всегда подолгу общались по вечерам, Урфан всегда был интересный. С младшим братом мама возилась постоянно, Намик всегда был очень болезненный. А я, как мне всегда казалось, была сама по себе, но почему-то не переживала от этого. Мне живого мира вокруг и воображаемого внутри меня всегда было достаточно.

Но при этом я не терпела физическое одиночество и страшно боялась темноты. Помню один случай из детства, который можно вписать в мой паспорт, как характерную черту, такую как рост или группу крови. Не помню почему, но я пришла с мамой к ней на работу. А милиционер в проходной не пропускал меня внутрь здания. Но так как ещё не родился человек, который в состоянии что-то приказать моей маме, то все завершилось легким противостоянием мамы и закона в лице глуповатого дядьки. Противостояние выразилось в том, что меня, стоящую в турникете, мама и милиционер тащили за руки в разные стороны. Не помню, чтобы я плакала от страха, плаксой я вообще никогда не была. Я думаю, что всегда верила в дар убеждения мамы и была спокойна за свою судьбу. По крайней мере пару раз, а может и больше, она сумкой двинула человека в форме по голове и он меня отпустил.

Так я с недооторванными руками попала к ней в кабинет. Мама посадила меня за свой стол, забрала какие-то папки с чертежами и ушла. Я сколько-то времени сидела за её столом, что-то рисовала на сероватой писчей бумаге. И вдруг мне стало грустно и одиноко. Вот это и есть ключевой момент моего триггера. Недолго думая, я написала печатными буквами маме записку и ушла из её кабинета в коридор, в большой мир. Дальше я знаю только то, что мама рассказывает.

Утро у неё было тяжёлым. Пятилетнюю Наилю не с кем было оставить дома и ей пришлось взять ребёнка с собой. После стычки с охранником, который требовал оставить ребёнка на улице, она оставила чадо в кабинете и пошла на совещание. К своей работе она всегда относилась ответственно, и всегда занимала какие-то должности, всегда была уважаемым профессионалом своего дела. Вернувшись после многочасового совещания у директора, она обнаружила пустой кабинет и записку на столе: «Мама я ушла не могу быть одной» (пунктуация, вернее её отсутствие, и орфография сохранены). Ей пришлось обежать все многочисленные кабинеты длинного коридора, и найти меня за чаем и за душевным разговором о жизни с пожилой женщиной, с которой мама толком не была знакома. То, что я читаю и пишу с 3-х лет,

мама конечно же знала, но мою тягу к разговорам по душам с посторонними людьми именно тогда она и открыла для себя.

Вообще, я сейчас понимаю, как же им обоим, маме и папе, было непросто с таким ребёнком, как я. С одной стороны «кошка, гулящая сама по себе», с другой «не могу быть одной». Толи интроверт, толи экстраверт, все зависит от настроения. Как быть с ребёнком, который может навзрыд плакать и орать во все горло «Бим! Беги, Бим!» при просмотре фильма «Белый Бим, чёрное ухо», реветь до хрипоты от переживания за экранных героев, и в то же время, не видеть и не замечать, что происходит вокруг?!

Но мама и папа всегда были замечательными родителями и таковыми остаются, они не конфликтовали со мной по пустякам ни в детстве, ни сейчас. Да, за то, что я во втором классе без спроса ушла из дома неизвестно к кому в гости, и меня нашли только в 10 вечера, меня по голове не погладили. Да, и за то, что после уроков в 3-ем классе задерживалась в школе до позднего вечера, типа я помогаю учительнице проверять тетради, меня справедливо прижучили. За то, что не ела и выбрасывала еду, мне влетало, естественно. Но в целом, они терпеливо переносили мои странности.

Нагоняи всегда были от мамы, а папа отличался удивительным терпением. Когда я училась во второй смене, мама уходила на работу к 8-ми, а папа к 9-ти утра. И мы с ним завтраками вдвоём. Я всегда любила наблюдать за папиными неторопливыми движениями – идеально тонко отрезать ломоть хлеба, тщательно смешать масло с мёдом и намазать мне бутерброд. После завтрака он шёл в ванную бриться, а я шла за ним хвостиком. Мне разрешалось взбить пену помазком и я любила запах крема для бритья. Он спокойно брился, его не раздражало мое присутствие и моя детская болтовня. Его не раздражало и то, что ему приходилось чистить горы семечек и собирать в кучку, зная, что я люблю есть пригоршней.

У моих родителей на меня всегда было время и терпение. Особенно, когда меня охватывали творческие порывы. Однажды я увлечённо рисовала красками морскую звезду и распотрошила кисточку. Рисунок ещё не был дорисован, и у меня была такая трагедия на лице, что мама не раздумывая, отрезала немного от своих волос, намотала их на спичку и дала мне эту «кисть из натурального ворса». Чем бы дитя не тешилось… Я помню эту кисточку из спички и мамиными волосами, и помню то, что рисунок получился очень красивым.

Когда я стала подростком, они оба старались сделать для меня все, что могли. Сейчас понимаю, что как же маме было сложно после работы искать по городу мне красивые платья и туфельки. Или заказывать уезжающим в Москву одежду для меня, а для себя – никогда. Ей всегда нравилось меня наряжать и одежду она покупала мне милую, детскую. А я любила примерять её платья, её туфли на каблуках и мазать жуткую бордовую помаду, которая лежала в её тумбочке с незапамятных времен – она сама косметикой никогда не пользовалась. И она никогда не ругала меня за то, что помада почему-то уменьшалась на глазах и шкаф её перевернут верх дном. Она не спрашивала, что за смерч прошёл в доме. А я свято верила, что она не замечала моих набегов на её вещи.

На мои «что-то грустно и одиноко» папа ещё тогда нашёл действенное средство – он в такие моменты подсовывал мне книги. Причём всегда различал оттенки моего настроения, и подбирал нужную книгу. Так я перечитала кучу книг по его советам, и он до сих пор подсовывает мне интересное чтиво.

Их ссоры и споры мы со старшим братом переживали, а ссорились мама и папа эмоционально. Старший брат всегда знал кто прав и был на маминой стороне, младшему все было не почём. А я боялась потерять их обоих. Мирить их я тогда ещё не научилась, но они, оказывается и не собирались расставаться. Не могли они это сделать, потому что у них были дети. И особенно у них была я, которая, если что, выбрала бы папу, а маме меня терять было страшно. Это я теперь знаю и понимаю.

В вопросах учёбы я не создавала проблем. Училась сама. Сама выбирала себе друзей. Дружила, ссорились, мирилась, училась жить в обществе – все сама. Никто – ни мама, ни папа в эти вопросы не вмешивались. И все было хорошо до тех пор, пока я не стала взрослой…

Я повзрослела и стала влюбляться. Те, кто в меня влюблялись, маму и папу не волновали. Их беспокоила я. А я оказалась такой, какой и была с самого рождения – непредсказуемой, на этот раз в выборе парней. Нет, парни плохими не были, но среди них не было особого, настоящего, моего. Как мама и папа научились различать грани между моими просто интересом и влюблённостью, если я сама это понимала только спустя время, я не знаю. И как они переживали мои разочарования, мои слезы знают только они сами. Я боялась их расстроить, и постоянно играла в театр одного актёра – «все хорошо, прекрасная маркиза!». Они тоже боялись меня расстроить и подыгрывали в тот же театр, вылечивая меня своей любовью, заботой и вниманием.

Я всегда называю маму и папу – мои драконы! Ну, во-первых, потому что они оба по китайскому гороскопу родились в год дракона, и во вторых, потому что они всегда были и есть моими источниками энергии, мудрости и вдохновения.

Мои поиски женского счастья завершились с появлением Реза в моей жизни. А потом я стала ждать моего Рустама. По подсчётам Рустам должен был родиться 28 июля. Но врачи и все кругом смеялись, когда я говорила, что рожу именно в этот день. За неделю до этой даты врач сказала, что ожидать надо ещё недели две. Произошёл отбой тревоги и все разъехались – Реза за границу, Урфан с семьёй на курорт. Но, мой сыночка решил порадовать маму и родиться именно в желанный ею день. И опять мы втроем – мама, папа и я, пошли в клинику…

Это было символично. В этом была и есть вся правда моей жизни – что бы ни было, со мной всегда рядом мои мама и папа, мои драконы. Так мы и идём втроем по жизни, как в моих детских воспоминаниях – по той песчаной дороге, в жаркий солнечный день, я между мамой и папой, держась за их руки. Мне хорошо и спокойно.

Baku, 04.02.2023

3 года, 3 часа и 3000 км

Они повторно познакомились спустя 30 лет. Два человека, мужчина и женщина, перешагнувшие 50-ти летний рубеж. Оба семейные, оба успешно построивших карьеру. Оба из серии родивших сына, построивших дом и посадивших дерево. Оба часто видевшие в своих снах старый дом их детства.

Их новое знакомство началось с обсуждения о сносе именно этого старого дома. Особую архитектурную ценность для города это здание не представляло. Но тем, кто жил в доме, тем, кто знал и помнил этот дом с детства, и тем, кому просто не безразличен облик родного города – всем этим людям было грустно и печально, что дом, который старше века, идёт на снос. Вокруг фотографии с трогательным призывом горожан спасти дом начались дебаты.

И вот именно на этой страничке Он увидел сообщение от женщины, которая когда-то жила в этом доме. Жила в те же годы, в которые и Он жил там. Лицо на профиле вроде кого-то смутно напоминало, но Он не вспомнил эту даму с большими умными карими глазами, с приподнятыми внешними уголками. Тем не менее Он написал ей в личку… Она не узнала его на фото – брутальный не юный мужчина, с серьёзным взглядом, плотно сжатыми губами и упрямым волевым подбородком с ямочкой. Но имя и фамилия мужчины были очень знакомыми. Где-то там, в глубине памяти, какие-то воспоминания пытались вырваться на поверхность. Вроде бы Она знала этого человека, но никак не могла вспомнить его…

…Итак, в ранней юности Он и Она жили в одном дворе. Это был старый 3-х этажный дом, построенный ещё в конце 19 века каким-то коммерсантом. Дом имел свой внутренний дворик, в центре которого в те далёкие времена был бассейн с золотыми рыбками. Вход в дом был через красивую парадную, которая с одной стороны имела вход в большую гостевую залу, а с другой выходила на мраморную лестницу с витиеватыми коваными перилами, ведущую на 2-ой этаж.

В створе с парадной дверью были ворота, через которые когда-то во двор въезжали на фаэтоне. На первом этаже были служебные помещения и конюшня. Комнаты с низкими потолками для прислуги были на 3-ем этаже. Лестница, ведущая на 3-ий этаж была в узком подъезде, находящимся в глубине двора. Семья коммерсанта размещалась на втором этаже в роскошных комнатах с лепниной на потолке и каминами. По излюбленному стилю 19-го века двери комнат второго этажа выходили в широкий коридор, который опоясывал весь этаж. Высокие окна кругового коридора смотрели во внутренний двор, образуя любимый старобакинский айнабенд, залитую солнечным светом и защищённую от сильных ветров. [1]

Милый домик, в котором жила счастливая семья. Что с ними стало с приходом советской власти, остаётся только догадываться. Экспроприированный дом был переделан под коммунальное жилье. Айнабенд был поделен стенами на квартиры. Квартирки получились маленькими, не равноценными. Бывшие служебные помещения превратились в глухие квартиры с маленькими окнами. Водяной колодец с питьевой водой был замурован в одной из комнат. Дом был заселен людьми, которым жилье было выдано государством за заслуги и за вклад в строительство нового строя. Так дом превратился в многоквартирный бакинский дворик.

Кто только здесь не жил. Учителя, врачи, военные. Из этого двора дети ходили в новые школы, которые появились вокруг. Потом эти повзрослевшие дети уходили на фронт, и мало кто из них вернулся домой, почти никто. В доме среди старых, появлялись и новые жильцы, которые вливались в одну большую дружную семью, живущих в небольшом доме среди множества подобных бакинских домиков. В середине 70-ых годов соседние дома были разрушены,

[1] айнабенд – остекленная терраса (азерб.)

впритык к этому дому было пристроено здание станции метро. Площадь перед метро была расчищена. Началась новая жизнь домика с грохотом мчащихся под ним поездов.

С конца 20 века квартиры этого столетнего домика один за другим стали продаваться жильцами и их квартирки превращались в парикмахерские, мастерские, магазины, кабинеты косметологов и дантистов, и даже в классы лингвистической школы. В какой-то момент времени дом перестал быть жилым, превратился в эдакий «бизнес-центр». И вот пришло и его время, вернее, вот и его время вышло… А наши герои росли в этом самом старом доме как раз тогда, когда рядом построили станцию метро.

Он был старше её на 3 года, был непоседливым мальчиком, который целыми днями гонял футбол. Она, маленькая девочка с модной в то время стрижкой под Мирей Матье, часто одна играла во дворе в «домики», катая в игрушечной коляске любимую куклу. Он даже не замечал эту девочку, хотя Она постоянно была одета во что-то яркое, красный был её любимым цветом. Для неё все старшие мальчики были хулиганами, они громко кричали в своих играх и часто их мяч попадал в её воображаемый дом. Она строго смотрела на мальчиков, поджав пухленькие губки, но лиц их даже не различала.

Его семья, прожив 10 лет с родителями его матери, получили долгожданную 3-х комнатную квартиру в микрорайоне, и они счастливые переехали в новое просторное жилье. Она в том году пошла в школу, и у неё появились первые подруги. Ей было немного сложно общаться с реальными детьми, ведь Она привыкла все время играть сама с собой. Через ссоры, обиды и примирения Она училась дружить.

Он никак не мог привыкнуть к новому дому, к чужим и неприветливым соседям и часто оставался в городе на выходные у бабушки с дедушкой. Она тоже часто оставалась на выходные у своей бабушки, которая жила в другом конце города. Поэтому Он и Она почти не пересекались.

Футболистом Он не стал, хотя спортивная школа очень хотела взять перспективного мальчика на обучение. Его родители не захотели сыну спортивного будущего, и направили его интерес на академическое образование. Высшее образование Он поехал получать в Москву, оттуда, окончив 2-ой курс, Он ушёл в армию.

Она выросла и стала приметной стройной девушкой с длинными гладкими волосами. Учёба ей давалась легко и она поступила в технический вуз. Особых подруг в доме Она не завела и явно чуралась общения с соседями. Хотя соседи её замечали, им нравилось смотреть на милую шатенку с хорошей осанкой и роскошными волосами, которая ходила неизменно на высоких каблуках и не видя взглядов, обращенных на неё.

Отслужив 2 года в армии Он вернулся в Баку, который ещё не оправился после Чёрного Января. Он перевёлся в бакинский технический вуз, потеряв год, и попал в группу, большинство студентов которого были младше него на 3 года. После армии учиться не очень хотелось. Начинались тяжёлые времена.

Она частенько ходила на базар после занятий в институте. Именно рядом с базаром продавался лучший тендир-чёрек в городе. Хлеб партиями выносили в магазин при пекарне, вызывая ароматом невероятный аппетит. Как-то Она шла с хлебом домой и вдруг увидела парня в джинсовой куртке. Знакомое лицо. Кажется Она его видела в институте на поточной лекции. Новенький. Он тоже удивлённо посмотрел на неё. Знакомое лицо. Хотя нет, Он эту девчулю раньше не видел. Взгляд зацепился на мгновение. Он отвёл глаза и тут же забыл про девушку. Она отвела глаза и не смогла забыть парня. [2]

С этого самого тёплого апрельского дня в её жизни появился Он. Встретившись однажды с ним случайным взглядом, Она стала видеть его везде – в институте, в транспорте, в своих снах, а чаще – перед «белой дверью», так она называла парадную дверь. Для неё было неве-

[2] тендир-чёрек – хлеб, испеченный в тендире (азерб.)

роятным открытием то, что Он по сути её давнишний сосед, о существовании которого Она только узнала. И о том, что «белая дверь» была излюбленным местом дворовых ребят, эдаким пунктом наблюдения, Она тоже узнала впервые за 19 лет своего проживания в старом доме. Ей самой, чтобы попасть к себе домой, надо было пройти мимо «белой двери» и войти в арочный проём, в котором когда-то были красивые двустворчатые ворота с вензелем дореволюционных хозяев. Чем чаще Она видела его, тем больше Она волновалась при встрече с ним. Когда Она проходила мимо дворовых парней и, если издалека примечала знакомый силуэт, она вся напрягалась и радовалась одновременно. Вытянувшись в струнку, она старалась идти не меняя темпа, с непроницаемым лицом и не видящим взглядом. Стук её сердца отдавался в ушах, а она шла не дыша, особой походкой бакинских девушек – смотреть под ноги, не опуская гордо поднятую красивую головку, и слегка раскачивая бёдрами. Ей казалось, что все парни, стоящие гурьбой у арки и особенно Он, смотрят на неё и замечают все детали её облика. Она стала тщательно подбирать одежду, каждый элемент стал очень важным, и не дай бог, если колготки были не в тон! Или ноготки не накрашены! Это было не позволительной неопрятностью! Она помнила о нём каждую минуту своей жизни, и даже за хлебом шла элегантно одетая и с подкрашенными красной помадой пухлыми губами.

А Он, прожив 4 года не в Баку, все чаще проводил время в старом дворе с друзьями детства. Новые знакомства у него, конечно же, завязались, но эти приятели не становились для него ближе тех ребят. Дворовые ребята все повзрослели, отслужили, футбол уже не играли. Их волновали посиделки в чайхане, разговоры о жизни и девушки. Они знали всех красоток города, упражнялись в «съёме», любили посидеть с девчонками в культовых местах города того времени – в кафе Сахиль или в Гюлюстане. Потом вечер завершался прогулкой по бульвару или по Торговой. В своем родном дворе интересующих их девушек не было и не могло быть – это были или чьи-то сестры, или чьи-то близкие соседки. А соседи, как известно, иногда были даже роднее родных. Была парочка девушек, которые шли по категории «никакие» и «недотроги». Немногочисленные девушки двора были не столько неинтересными, сколько неприкасаемыми. Таким был негласный закон бакинских двориков. Местом сбора дворовых парней было крыльцо парадного входа. Иногда они, ожидая друг друга, присаживались на широкую ступень, а мимо них проходили толпы людей. Кто в метро, кто из метро. Кто-то спешил через площадь на автобусную остановку, к которой подъезжали автобусы многих маршрутов. Жизнь перед станцией метро кипела до позднего вечера.

Однажды летом, возвращаясь с практики домой с институтской подругой, у неё при спуске в метро в эскалаторе застрял тоненький каблук её сабо. А нога продолжала движение шага, и по законам физики сабо не могло не порваться. Застрявшую сабо какой-то мужчина ловким движением вытащил и обошлось без аварийной ситуации. Идти в одной сабошке было неудобно и Она взяв обе сабо в руку, пошла босиком. На ней была длинная пышная гипюровая юбка и топик в тон юбке. Пассажиры в поезде бросали взгляды на босую стройную девушку, весело смеющуюся с подругой. Девушки шутили, что её, босоногую, запросто могут принять за цыганку. Приехав на свою станцию, Она попыталась идти к выходу своей обычной походкой, только вот было неприятно идти по холодному мрамору зала. Скоро Она будет дома. И тут сработала логическая цепочка «дом – белая дверь – Он». Очень хотелось увидеть его. Как только началось лето Он куда-то исчез. И именно в тот день, ступая босыми ногами по грязном полу, Она впервые кому-то рассказала про соседского парня, который ей безумно нравился. Как же она сейчас пройдёт босиком домой, а вдруг Он стоит там?! Подруга была девушкой неробкой, которая никогда не давала ни себя в обиду, ни своих друзей. С ней можно было и в огонь, и в воду. Она без колебаний решила проводить подругу до дома, к тому же захотелось узнать подробности романа и увидеть парня. После холодного мрамора метро идти босиком по раскаленному асфальту можно было только вприпрыжку. Но у белой двери никого не было… В её жизни наступил новый период – нестерпимо хотелось видеть его. Хотелось хотя бы уголком

глаза увидеть, как Он балагурит с парнями. Хотелось думать, что Он видит её и только её, иначе ведь и не могло быть. Хотелось верить, что он торчит перед дверью, ожидая именно её. Хотелось заговорить с ним, хотелось… Но видеть его удавалось все реже и реже…

А Он влюбился, Он завис, Он пропал. Его любовь была значительно старше его. С ней Он проводил все своё время, забыв про друзей, семью и учёбу. Они часто виделись или «висели» часами на телефоне. С любимой они говорили обо всем на свете и между ними была умопомрачительная близость. Он устроился на работу, стал зарабатывать, и всё заработанное тратил на рестораны и на свою подругу. Жизнь была прекрасна. Родители не разрешали бросить институт, требовали, чтобы он доучился. Он не понимал кому нужна эта учёба, считал, что надо работать и зарабатывать деньги. Тем более, что он работал в риелторской конторе, а риелторы были тогда новой действительностью. Работы у них было много и заработки были большими. Возникало ощущение, что все куда-то переезжают, а политическая обстановка в стране становилась все хуже и хуже. В конце лета страну потряс путч, до развала Союза оставались считанные месяцы. Как-то поздней осенью Он заехал к друзьям в старый двор, пошли в чайхану. Поздно вечером возвращались домой, позади послышался стук женских каблучков. Он машинально повернулся на звук, посмотреть кто идёт. Каблучки были на ножках молодой девушки, которая шла под руку со взрослым мужчиной. Фамильное сходство было явным, это были отец с дочкой. Наш герой с выражением лица типа «и что это за цаца такая?» демонстративно оглядел девушку с головы до ног, скользя взглядом обратно к её лицу он встретился с её возмущенно поднятой бровью и взглядом с вызовом. Лицо цацы было знакомым, кажется она жила где-то по соседству.

«Цаца» шла на не гнувшихся ногах. Ей казалось, она сейчас упадёт. Хорошо, что Она идёт, опёршись об руку отца. Она не видела парня своей мечты с начала лета. И вот встретились. От его раздевающего взгляда у неё горело лицо от смущения, сердце колотилось в груди. Почему Она так робеет перед ним?! Она умная, эрудированная, вводит в ступор парней из своей группы острыми шутками. Она говорит на невероятные философские, исторические, литературные темы с ребятами, а они тушуются перед ней. За её спиной спорят из-за неё, выясняют отношения между собой, решают дилеммы кто может и должен провожать её до дома. Она с неизменной улыбкой мило кокетничает с ними, видя их обожание, чувствует себя принцессой, а их считает своими рыцарями. И вот Она, вся такая уверенная в себе, взрослая 20-ти летняя мадемуазель, чувствует себя какой-то замухрышкой девчонкой перед этим соседским парнем! Как понимать его взгляд? Кто он такой? Какой он? Как хочется просто поговорить с ним, узнать, понять. А вдруг он глупый, не образованный и с ним не о чем говорить? Ну почему она, не зная, что он представляет собой, постоянно ищет его глазами? И не даёт ни одному из ребят группы быть для неё кем-то больше, чем просто другом? И она даже не знает его имени! Не находя ответов на все вопросы, она решила узнать хотя бы его имя. О разговоре с соседями о нем не может быть и речи – это прямая дорога к пересудам, добром это не закончится. Расспрашивать девочек с потока она тоже не будет, слишком горда. Спрашивать мальчиков из группы не стоит, не хотела разоблачаться. Единственный кто может помочь – это подруга. Подруга какое-то время недоумевала просьбе. Ей было странно от того, что подгруппы ребят умирают за её хорошенькую подружку, как говорится – выбирай любого. А она зациклилась на том парне, который её даже не замечает.

Но просьбу все таки выполнила. Один поход в деканат после занятий, ближе к вечеру. Достаточно взять журнал параллельной группы, методом исключения вычислить имя и фамилию. Это было несложно сделать, азербайджанских фамилий в той группе было мало. В конце журнала нашла его адрес проживания. Вуаля!

Его жизнь полностью сосредоточилась на работе и на любимой девушке. В учёбе он нашёл пути решения проблем. Хотят родители диплом, они его получат. Он появлялся в институте только в сессию. Риелторство в те годы было совсем не таким, как сейчас. Офис, карто-

теки по жилью, чашка кофе клиенту – все это было только в иностранных фильмах. В те годы риелторство или маклерство, названий было много, но суть была одна – это была биржа под открытым небом. Люди и продающие, и покупающие, приходили на маленький пятачок и торговали квартирами, как зеленью на базаре. Такова была реальность тех дней. С любимой начинались сложности – она вначале намекала, потом начала открыто говорить о том, что им пора узаконить отношения или… Жениться в 23 года он не хотел, на «или» он тоже не мог согласиться. Он все чаще скучал по Москве, очень хотел вернуться туда. Баку стал казаться ему маленьким, скучным городом и с меньшими возможностями, чем большой мегаполис. К концу учёбы в институте его родители сами хотели, чтобы их сын уехал из Баку – каким-то беспросветным казалось будущее страны…

В последний раз Она его видела в метро, буквально за месяц до защиты диплома. Он стоял в третьей арке и как будто ждал кого-то. Она захотела подойти и поздороваться. Что будет, то будет. Она уже шла к нему. Он улыбнулся и ей стало казаться, что Он улыбается ей. Вдруг ноги подкосились и сами завернули в первую арку. Она струсила. Отдышавшись, она все таки решила дать себе вторую попытку. Да, точно, на эскалаторе они столкнутся. Он наверняка ехал в институт, как и Она. Но этого не случилось. Напрасно Она искала его по всему залу и на выходе метро… Больше Она его не видела. После окончания института Она с бабушкой сразу же переехала загород, куда её родители переехали несколько месяцами ранее. У неё началась новая жизнь – в чужом месте, в доме без удобств, без друзей и подруг, без телефона и без привычных прогулок по городу.

Она тосковала по старому дому. А бабушка переживала, что у её красавицы внучки нет жениха. Старая женщина решила вспомнить молодость и погадать на горохе. Она отсчитала 41 горошину, позвала внучку и попросила ту загадать парня, который нравится. Внучка вначале отнекивалась, что такового нет, но закрыв глаза, в воображении всплыл образ парня её мечты. Бабушка что-то прошептала и разделила кучку гороха на 3 части. В каждой части она отсчитывала по 5 горошин и отодвигала их в сторону. От каждой из 3-х кучек осталось по 1 или 2 горошине, которые бабушка выложила в ряд и в колонки. Эту процедуру бабушка проделала трижды, пока не выложила весь горох в три колонки и в 4 ряда. Бабушка покачала головой, она выглядела расстроенной. Парня, которого задумала её внучка, они вряд ли увидят. Картина была нерадостная, никакого намёка на скорый приход эльчи.

А тем временем война в Карабахе перешла в активную фазу. Однажды Она проходила мимо старого дома, а там была установлена палатка, каких в городе в последнее время было очень много. Кто-то со двора погиб на фронте. Кто-то именно из парадного подъезда. Сердце её упало… Война… Смерть… Хаос… Не стесняясь слез, Она оплакивала не только парня своей мечты. Она оплакивала все свои мечты, которым уже никогда не сбыться…

Прошло около 30-ти лет…

Агата Кристи при мытье посуды придумывала сюжеты своих детективных романов, считая это занятие дурацким. А наша героиня считала мытье посуды медитативным занятием. Именно смывая с тарелок остатки еды и выкладывая посуду в посудомойке в строгом порядке по размерам и по типам, её сознание чаще попадало «в поле чистого сознания», чем на занятиях йоги. За мытьем посуды Она продумывала свои планы на день и решала ребусы, как правильно выстроить дела сверх занятой матери детей школьного возраста и по совместительству ведущего специалиста большой компании. Так было и в этот раз. Прокручивая прошедший день, Она опять вспомнила комментарий к её посту в социальной сети. Вежливое короткое сообщение незнакомого человека:

«Добрый день, похоже мы с вами жили в этом доме в одни и те же годы. Вы в каком подъезде жили?»

Вроде незнакомый, только вот имя и фамилия мужчины кого-то напоминают. «Столько людей проходит через наши жизни! Всех и не упомнишь!… Хотя эта фамилия редкая…

Такая же, как у школьной подруги. Надо спросить её, может родственник». И тут у неё появилось странное чувство, как будто этот момент Она уже пережила когда-то, всё как в каком-то сне. Дежавю… Она сидит в гостиной у школьной подруги, на диване сидит мама подруги. Девчонки рассказывают последние новости о себе, об одноклассниках, об институте. И Она задаёт вопрос:

– У нас в потоке учится парень, твой однофамилец. Брюнет, коренастый такой. И его бабушка наша соседка. Он случайно не ваш родственник?

– Вряд ли! Я всех своих знаю, в твоём институте из наших никто не учится.

Мама подруги добавляет:

– У них в роду брюнетов вообще нет. Они все в мою свекровь пошли, светлые шатены или блондины, как моя старшая…

…Это дежавю… Сердце ёкнуло… Голова сейчас закружится… Она на автомате сняла резиновые перчатки с рук, добралась до стула и села так, как будто ещё чуть-чуть и Она бы рухнула на пол. Это же её сосед! Тот самый! Парень из парадного подъезда! Она взяла в руки смартфон, ещё раз прочла сообщение… Не может быть! Неужели это Он?! На маленьком фото профайла брюнет, без седин, упрямый подбородок, губы плотно сжатые, морщина между бровями и глаза с грустинкой. Взгляд тяжёлый. Она с волнением ответила на сообщение также вежливо:

«Добрый день! Наша семья жила во втором подъезде, вход со двора. Ваше лицо как будто знакомое. Вы в каком подъезде жили? Случайно не в подъезде с белой дверью?».

Отправила сообщение и быстро отключила экран так, как будто смартфон стал раскаленным куском металла. Почему Она так разволновалась? В конце концов, Она не девчонка, а матрона да ещё и в полутяжелом весе! Ответ пришёл скоро.

«Да, точно. Наш подъезд с выходом на улицу, мы жили на 2-м этаже. После смерти бабушки, тётя продала квартиру и со временем из нашей квартиры сделали салон. Какой-то знаменитый в Баку женский парикмахер там работал.»

Она ответила ему, и что-то ещё спросила. Он написал в ответ. Они перешли переписываться в личку. Сообщение за сообщением. Незаметно наступила ночь. Ночью Она спала беспокойно, утром первым делом, лёжа еще в постели, Она прочла ответ на свое последнее сообщение. По дороге на работу Она написала свой ответ. Предложила перейти на «ты» и в ватсап. Она до конца не могла поверить, что это тот самый парень. Никак не совмещался образ из памяти с изображением на фото. Да ещё и тогда, 30 лет назад, Она не совсем поверила методам дедукции подруги, и считала, что того парня звали по другому. Выходит зря не верила. Все совпадало, это был Он…

Почему Он не мог её вспомнить? Да, Она младше него, ровесница его сестры. Но ведь играли в одном дворе. Потом ещё и учились в одном институте. Ходили когда-то по одним и тем же коридорам, улицам. Пользовались одними и теми же автобусными маршрутами, станциями метро. Отоваривались в одних и тех же магазинах… Почему он никак не мог её вспомнить? Самое интересное, что она тоже его не помнит. А как осторожно Она начала общаться в самом начале, исключительно на «вы». А потом они оба выясняли, как же это было возможным – жить рядом и учиться в одном потоке, бывать на общих лекциях, но не знать друг друга вообще. Неужели небольшая разница в возрасте делала их абсолютно невидимыми друг для друга?

Общение с незнакомой соседкой со старого дома становилось все более живым и захватывающий, и как-то быстро его увлекло. Ему показалось милым её предложение:

«Давайте знакомиться, и ничего что прошло всего каких-то 30 лет!»

С ней было легко общаться. От неё шла энергетика молодой девушки, совсем не дашь ей её возраст. Всё сообщения со смешинкой, с задором. Чистая речь, без ошибок. Пишет длинные сообщения, которые интересно читать. Помнит какие-то мелочи, которые Он даже не замечал.

При этом Она сама имён многих соседей не помнит. Даже не знает чьей была та чайхана, в которой пропадал весь их двор. Однозначно, с ней было приятно общаться. Да и давно Он так ни с кем не общался, особенно если учесть, что последние 20 лет Он живёт в европейской стране. Конечно есть окружение, с которым Он общается на родном языке. Но это было не так, как с этой женщиной, от которой веяло бакинским теплом и домашним уютом.

А ещё через пару дней Он понял, что с новой «старой» знакомой можно говорить без устали и на любые темы. Боже, что только они не обсуждали! Разговоры о жизни, воспитании детей, о семье и родных, о здоровье и карьере, вперемежку с воспоминаниями юности и детства. Как пережили это, как прожили то. С кем дружили, кого любили, кого потеряли, а кого сберегли… Что в настоящее время читали, смотрели и слушали. Где бывали, что любили и не любили. Они общались запоем, мобильный буквально не выпускался из рук. Им обоим хотелось переписываться даже по ночам, и если бы не работа, семья и дети, наверное они бы так и делали.

«Сори, что пишу тебе так рано. Между нами какая разница?»

«Три часа и три года».

«Ты такой милый… Знаешь, а ещё между нами 3 тысячи километров…»

Как Она могла его забыть? Когда и как это произошло?! Она все пыталась понять, как человек, который так сильно ей нравился, просто стёрся из памяти. Этот вопрос её беспокоил не меньше, чем тот факт, что Он её оказывается даже не замечал. Выходит, когда Она с дрожью в коленках проходила мимо него, Он в упор её не видел. Она не рассказала ему, что была влюблена в него тогда, 30 лет назад. Не надо ему этого знать, да вообще это было смешно и глупо. Быть влюблённой в парня, с которым даже словом не обмолвилась. Странно это было, особенно, если учесть, что по жизни Она легко знакомилась, быстро понимала кто есть кто и также легко прощалась, не жалея ни чьих чувств и ожиданий. А как потом Она сама тяжело влюблялась и с каким трудом строила отношения. Так что, с ним это было что-то неразумное, детское.

А вот сейчас этот человек стал ей очень дорогим, наверное как память, как ностальгия по молодости… Да, наверное именно так. Хотя с ним интересно, у него совершенно другой взгляд на жизнь. Без хамства, без пошлости и без фальши он рассказывал о своей жизни, об отношениях, о своих ошибках, бедах и о себе. Без хвастовства и без злобы на кого-то или что-то. Ее радовало, что когда бы Она не написала, Он быстро и ёмко отвечал, и отвечал интересно и с юмором. Что Он стал делиться с ней даже радостными событиями из жизни своих друзей. Ей казалось, что Она знает про него все – начиная от любимых сладостей, и заканчивая распорядком дня.

Вот если бы они жили в одном городе и были бы друзьями… Она приглашала бы его к себе поболтать за чашкой кофе. Неторопливо варила бы в турке кофе с молоком. Подавала бы в «его» чашке, ведь в ее доме у него была бы своя, особая чашка. Чашка наверно была бы объёмной, чтобы напитка хватало для долгого душевного разговора. Она посыпала бы кофе сверху ароматной корицей. Клала бы рядом его любимые шоколадные вафли на десертной тарелочке. Садилась бы рядышком, терлась бы щекой об его плечо и говорила бы томным голосом:

– М-м… А знаешь…

Как-то неожиданно Она стала дорогим для него человеком. Он разглядывал её старые пожелтевшие любительские фото студенческого времени. Она прислала их в надежде, что он вспомнит её. На фото Он её узнавал, она не сильно изменилась судя по новым фото, а в памяти её не было. Не связывался её образ ни с домом, ни с институтом, ни с чем-то из того времени. Он стал жалеть, что не знал её тогда, в молодости. Тем более ему нравились такие девушки – милые, улыбчивые, стройные. Почему он её не замечал? А ведь заметь он её тогда, наверное, ни за что бы не упустил ее и его жизнь была бы другой. Интересно, она была такая же – с острым

языком, душевная, ранимая? Она понимает очень тонкие моменты, не осуждает и не поучает. Не лезет с расспросами, и ей хочется всё рассказывать, даже самые неприятные случаи жизни. И после общения с ней становится легко на душе, как после исповеди. У неё дар слушать, понимать и прощать. При этом её саму надо суметь понять. Не простая она и несладко ей пришлось в жизни.

Вот если бы они жили в одном городе… Нет, это было бы катастрофой. Общение с ней было бы проблемным. Она ему нравилась. Она стала сниться ему. Он стал фантазировать о ней. Ему нравилось все, ее рассказы о детях, о семье, а вот муж её не нравился все больше и больше. Её замужество даже на расстоянии тяжело переживалось, а тут… Будь он рядом, точно захотел бы, чтобы она была его и только его. Нет, Он в реальности с ней дружить не смог бы, Он вообще не понимает дружбы с женщинами. Женщина или твоя, или нет, а полу отношения это не про него. А вот виртуальной дружбе с ней Он радовался, не уставал общаться с ней почти каждый день. Через какое-то время общения с этой смешливой и такой родной женщиной, он стал чувствовать себя не по возрасту молодым, и даже вести себя как в беззаботное студенческое время.

А Она многое не говорила ему. Не говорила, что намерено стала выдерживать паузы в несколько дней между сообщениями. Не говорила, как тяжело ей это давалось, как считала время между сеансами общения. Не говорила, что видела его в своих снах. Не рассказывала, что скучала по нему, и ей уже было неинтересно общаться с кем-то другим. Что на многие вещи стала смотреть по другому. Что его мнение о каком-то фильме или песне стали архиважными для нее. Собственно, как и все что было связано с ним, стало важным. Что все чаще стала замечать в новостях, в описаниях фильмов или книг страну его проживания, его город. Что стала заниматься спортом, пытаясь вернуть некогда неплохую свою фигурку. Что появился вкус к жизни, к моде, к одежде, захотелось быть привлекательной. Не говорила, что все чаще говорила про себя: «Три года, три часа, три тысячи километров и тридцать потерянных лет»…

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.